

Гран-при

И талантливо, и красиво

Магнитогорский Дом печати удостоен Гран-при областного конкурса на лучшую издательско-полиграфическую продукцию «Южноуральская книга-2017» в номинации «Художественная книга» за подготовку и издание книги переводов Александра Ерофеева «Из разных авторов и лет».

Конкурс «Южноуральская книга», реализуемый при поддержке министерства культуры Челябинской области, Законодательного собрания и общественной палаты Челябинской области, министерства экологии Челябинской области, уже полтора десятилетия считается заметным событием в культурной жизни Челябинской области, позволяющим выявлять и продвигать лучшие издания региона.

Надо отметить, что Александр Ерофеев – человек разносторонне одаренный. Литератор, художник и дизайнер, он сам оформляет собственные книги, так что победа Магнитогорского Дома печати в престижном конкурсе – безусловно,

это и заслуга Александра Вячеславовича.

Книга «Из разных авторов и лет» объединила под одной обложкой стихи шести англоязычных литераторов прошлого века в переводе поэта, члена Союза российских писателей Александра Ерофеева. Первым опытом работы на стезе переводчика для него стали переводы с латыни произведений классика античной литературы Гая Валерия Катулла и «Естественного» средневекового автора Джанпьеро Бонелли, которые вместе с лирикой Ерофеева вошли в «Безжалостную книгу любви» (2015). В книге «Из разных авторов и лет» (2017) перед русскоязычным читателем предстают Уистен Оден, Сильвия Плат, Чарльз Буковски, Элизабет Бишоп, Ричард Бротиган, Эдна Миллей. Переводы Ерофеева – сплав поэтического мастерства и тонкого понимания текста. Читатели, владеющие английским, могут в этом убедиться: рядом с переводами размещены тексты оригиналов.

Приятно, что дизайн книги также высоко оценен в профессиональных кругах. Редакция «Магнитогорского металла» поздравляет своего литературного редактора с бесспорной творческой удачей и желает покорения новых вершин.

Кстати, это не первая его награда. Так, были отмечены поэтическая книга «Межсезонье» и двухтомник Владимира Мозгового «Больше, чем игра», которые оформил и подготовил к печати Александр Ерофеев.

Предлагаем вниманию читателей «ММ» несколько поэтических текстов в переводе члена Союза литераторов и Союза художников России Александра Ерофеева. К сведению ценителей творчества Александра Вячеславовича: «Из разных авторов и лет», как и другие его книги, есть в городских библиотеках.

✍ Елена Лещинская

Уистен Хью Оден

Поэт, драматург, критик, родившийся в Великобритании и ставший гражданином США после второй мировой войны. Одена называют одним из величайших поэтов XX века. Начиная с конца 1930-х годов ироническая тональность оденовских стихов определила стилистику целого поколения поэтов.

Колыбельная

*Спи, голову прижав, любовь моя,
К такой неверной
человеческой руке;
Сгорает время в лихорадке дней,
Недолговечно,
мимолётно счастье,
И непосредственность,
и красота детей –
Всё эфемерно,
кроме льда могилы;
Но пусть хотя бы
только до рассвета
Спит на руках моих
живое существо,
Винноватый, грешный,
смертный – ничего
Я не встречал
прекраснее на свете.*

*Душа и плоть
не признают границ:
Любовникам, которые лежат
Опутанные чарами на склоне,
В беспамятстве
пресыщенном своём,
Венера шлёт
предвидение смерти,
Симпатию таинственный обман,
Надежду сладкую*

*на вечную любовь;
В то время как среди
снегов и скал
Анахорет,
инстинктами томимый,
Испытывает
чувственный восторг.*

*Уверенность и верность
испарятся –
С ударом колокола
в полуночный час
Уйдут в протяжный,
приглушённый звон;
И светские бездушные безумцы
Поднимут бесконечно
скудный крик
О том, что каждый фардинг
на счету,
Что ужас, картами
предсказанный, грядёт
И ждёт оплаты,
но не этой ночью;
Пусть мысли, шёпот,
поцелуи, взгляды –
Всё наше пусть
останется при нас.*

*Дыханье смерти,
полночь, красота –
Всё преходяще,
пусть же до рассвета
Ласкает мягко ветер
голову твою,
И пусть наполнен будет
день грядущий
Волненьем сердца и сияньем глаз.
Мир смертных нахомя
вполне терпимым,
В сухой тиши полуденного зноя,
Забыв про полуночные невзгоды,
Вдруг обретёшь
источник благодатный –
В обычной человеческой любви.*

Эдна Сент-Винсент Миллей

Поэт и драматург, первая женщина, получившая Пулитцеровскую премию по поэзии, одна из самых знаменитых поэтов США XX века. Тонкий лирик, Миллей развивала традиционные фор-

мы романтической поэзии – баллады, сонеты.

Уход

*Мне всё равно,
каким путём идти,
Куда бы он ни вёл, мне всё равно;
Не удержат обиду сердца
взаперти,
Не уберечься от того,
что суждено.*

*Не знаю толком я,
откуда в сердце боль,
Что с головой моей,
не знаю толком я,
Но прочь отсюда, прочь,
и путь любой
Сгодится – пусть дорога
будет долгою,*

*Чтоб, день и ночь
шагая напролёт,
Рассвет увидит
где-нибудь в глуши,
Где даже зверь, быть может,
не живёт
И человеческой, уж точно,
нет души.*

*Идти, покуда носом кровь
не побежит,
Упасть без сил и никогда
уже не встать,
С приливом встретить
сонмы нерид,
Дождём в холодных скалах
заплутать.*

*Неважно, в доке ли,
на свалке кончу путь,
Мне всё равно, я не боюсь
суровой яви;
И наплевать на то,
что скажет кто-нибудь
О мертвеце,
околевавшем в канаве...*

*«С тобою что-то приключилось,
дорогая,
Привиделось, должно быть,
незначай?»
«Узлом сплетается –
попалась нить такая.
Всё, мама, хорошо,
я приготовлю чай».*

Перевод с английского
Александра Ерофеева

Первая публикация

Николай Худовеков

Весенний ветер Эмтэгей

(Продолжение.)

Начало в № 107, 110, 113)

Земная метель уже напала на неподвижный самолёт. В иллюминаторе еле виднеется тайга. Она всё помнит и ни о чем не расскажет. А у Бориса Александровича память продолжается:

*У дальнего моря я долю кляню,
что в горькой разлуке
живу я в войну,
что в первой цепи
не шагаю в бою
и люди не знают
про доблесть мою.*

И всплывает под эти строки, как хлопотала Алёна возле мечущегося в беспамятстве Бориса, как молча, с ничего не выражающим лицом, сидел поодаль Старик – после того выстрела, которого уже нельзя было удержать...

*И мнится, что я за бойцами иду,
повязки, как цепи, срывая в бреду.
Кричу я, за строем
бросаясь скорей:*

– Я с вами, я с вами, ребята!

Я долго бежал

от полярных морей...

И друг ваш, а стану за брата...

И тишина, яркое солнце. Возвращение к жизни – так было уже, когда умирал, чуть не сгорев на лесном пожаре, и когда замерзал в сугробе. И теперь только полегчало – и уже требует откровения душа, пока наедине с собой, не нужно ещё никого рядом. Мгновения вместе со стихами:

Боюсь я, что поздно

свобода придёт...

Растает на реках

расколотый лёд,

Раскроют ворота

и скажут: – Иди!

И счастье и слава твои впереди...

Борис пробует встать. Трогает на груди что-то похожее на бинты... Поднимается. Делает несколько шагов. Споткнулся, с трудом удержала подбежавшая Алёна...

И теперь, шагая от самолета к вокзальчику, невольно покачнувшись при этом воспоминании, опёрся на руку попутчика. А в вокзале, открывая дверь просторной «депутатской» комнаты, решительным голосом пригласил дорожных товарищей:

– Без разговора, вместе так вместе. Люди не виноваты, что не герои и не депутаты. Серьёзно, товарищи, заходите, располагаться прошу как дома. Кто знает, сколько придётся ждать. Сейчас нам чаю организуют...

Обоим молодым спутникам явно не по себе в этой комнате с непривычными для дороги удобствами. Надо как-то преодолеть неловкость, и получилось опять невопадет у одного:

– Здесь вам привычно, Борис Александрович? Ваши ссыльные края?

Другой тихо взрывается:

– Честное слово, язык тебя до чего-нибудь доведёт. Человеку тяжело вспоминать, а ты...

Борис Александрович кашлянул. Теперь он хозяин, а не просто по-

путчик, так уже и приходится себя вести.

– Чего там, – проговорил он дружелюбно, – забыть-то всё равно не забудешь. Вон в той стороне, и не очень далеко отсюда, наш Полюс. Говорят, тут теперь хорошую дорогу построили, так на машине часов за пять можно добраться.

– Там вы и написали «Полюс»?

– Нет, не там.

– Борис Александрович, – почувствовав перемену в его настроении, стал смелее и другой, – а почему всё-таки вас арестовали в тридцать седьмом?

– Ну, почему – нам об этом не докладывали, наоборот, мы им сами должны были выложить, в чём виноваты. Я и сейчас только предположить могу, что к чему. В январе тридцать седьмого я ездил, собирал материалы про Рындина, Кузьму Васильевича, очерк хотел написать. Это наш старый большевик, долго на Урале работал. В поезде я написал стихотворение «По земле бредёт зверь» – антифашистское. Приезжаю в Свердловск, захожу к редактору «Уральского рабочего», показываю стихотворение, а он: «Что у тебя всё Тельман, Тельман, про Сталина ничего нету...»

– Позвольте, – вмешивается собеседник, – у вас там есть: «Люди, что сидят над картой мира в красном каменном Кремле».

– Этого ему недостаточно показалось. В общем, не принял. Потом всё-таки напечатали, не в «Уральском рабочем», а в «Тагильском», я сам-то уже забыл. Мне на днях один друг вырезку прислал... Ну вот. А потом Рындина арестовали, и редактор, тот, свердловский, наверное,

вспомнил, как я к нему заходил и планами делился, что про Рындина материал собираю. Этого оказалось достаточно.

Тишина в комнате, зато у Бориса Александровича резкие слова Алёны:

– Сам гляди: и в комсомоле своём был, и строил свой город без крестов, без икон, и стихи по-ихнему складывал, а тебя куда отослали...

– Совсем не то! – отвечает он ей, сидя перевязанным в том самом кресле, где несколько дней назад вспоминал начало сказки про Алёнушку. – Мы совсем не то. Таких, как твой Старик, я сколько перевидел в лагере. Они чёрный труд адской пыткой считают. Как мертвецы, им терять нечего. Выйдут на волю – опять воровать да грабить. Ни вести, ни чести у них нет.

– Ты это зря, – Алёна говорит уже совсем другим, мягким тоном.

– Что зря?

– Про него. Его судьба таким сделала.

– Человек делает свою судьбу, а не она его.

– Его от земли отняли... Ты слушай сюда. У него своё хозяйство было, всего лишили, отправили в эти края. Ночью их партию привезли, мороз лютый, на снег положили, ночуйте, говорят, костров не разжигать, кто не послушается – пуля на месте. Утром погнало дальше, а сколько на снегу осталось заколенивших... Он тоже притворился с теми. Снегом себя засыпал, не вовсе замерз...

– Зачем ты мне это рассказываешь? И с нами такое делали.

– Я рассказываю, чтобы ты пожалел его.

– А он меня пожалел? Ты лучше скажи, что он теперь со мной сделает, когда вернётся. В рабство к себе определит? Не пойду, пусть ещё раз убивает.

– Чудак ты. Коли б он тебя убить хотел, ты бы не жил. Он на тебя в ту трубу смотрел, ты оглянулся, он глаза твои увидал... А курок-то уже спущенный был, выстрела не удержишь. Он потом мне говорит: правда вся в его глазах. Всё, что он сказал, – всё правда. Но я, говорит, тогда совсем его не понимаю, и жизнь, говорит, моя совсем разладилась. Вот ушёл...

– Вернется же skoro?

Алена молчит. Борису не до того, чтобы долго размышлять о переживаниях Старика. Он поднялся, всё ещё с трудом:

– Лучше мне помоги уйти, пока его нет. Столкнёмся мы опять с ним, а мне не хочется. Всё-таки он мне жизнь подарил.

– Две жизни он тебе подарил.

– Значит, так рассуждал: я дарю, я и отнять волен?

– Ничего ты не разумеешь, – вздохнула Алёна. – Он мне про тебя сказал: «Поправится, захочет уйти, дай ему мои вторые лыжи, а то он по снегу не пройдёт».

– Так? – Борис сразу оживился. – Давай тогда сейчас.

– Куда ты? Ложись, поправляйся. – Не надо меня больше выхаживать. Я могу идти, чего же ещё...

Стоят друг против друга две гордости, которые не позволяют шагнуть навстречу друг другу. Но Борис уже слышит себя самого через двадцать лет.

Окончание следует.